

В начале был «Диалог»

Будущее – за частными музыкальными театрами и театральными продюсерами. Так считает знаменитый российский музыкант, композитор и продюсер Ким БРЕЙТБУРГ

– Ким Александрович, насколько я знаю, в прошлом веке за именем Ким обычно стояла аббревиатура названия «Коммунистический интернационал молодёжи». Соответственно, чаще всего его давали по идеологическим соображениям в семьях убеждённых коммунистов.

– Вообще, имя это очень древнее и в переводе с корейского обозначает «золото» – вспомните Ким Чен Ира, например. Но у меня как раз имя имеет идеологические корни. Всё началось с дедушки, который действительно был убеждённым коммунистом. В Гражданскую он воевал за советскую власть, был знаком с наркомом лесной промышленности СССР Казимиром Косиным, с комдивом Григорием Котовским, служил в ЧК, участвовал в ликвидации банды Махно, создавал на юге Украины для первых колхозов и совхозов первые МТС – машинно-тракторные станции. Родом он был из Одессы, там коммунизм и строил. Боевой был дед, заслуженный. Вот он и назвал одного из своих сыновей, моего дядю, Кимом, как раз в честь молодёжного интернационала. Но дядя трагически погиб ещё в 1930-е. Когда я родился, дедушка настоял, чтобы меня назвали в его честь.

Театр за колючей проволокой

– Дядю репрессировали?

– Нет. Но вообще наша семья от репрессий пострадала очень сильно. У меня папа – еврей, мама – голландка, а познакомились они в ГУЛАГе, в Ухтинском концентрационном лагере уже после войны. Мама попала туда ещё 18-летней девчонкой, папа был ненамного старше. Потом их, конечно, реабилитировали.

– Интересно выходит. Многим людям сталинские репрессии стоили жизни, а вам, выходит, они жизнь подарили. Но за что ваших родителей отправили в Ухтлаг?

– Отец до войны окончил в Одессе музыкальную школу Столярского, играл на аккордеоне и фортепьяно. Добровольцем ушёл на фронт, дошёл до Сталинграда, был дважды ранен. В конце войны его в составе специальной группы бросили в Грецию, как я понимаю, с задачей организовать повстанцев и поднять народное восстание,



в результате которого при поддержке Советской армии Греция стала бы социалистической республикой. Но пока они собирали повстанцев, в Греции высадились англичане. За «опоздание» всей группе в Союзе вlepили по 10 лет лагерей. Мама же в конце войны оказалась в Потсдаме. Когда в город вошли советские войска, её репрессировали, и она попала в тот же лагерь, что и папа. Она была очень интеллигентной девушкой: окончила гимназию, свободно говорила на немецком, польском, украинском и русском языках, занималась музыкой. В лагере её определили актрисой в музыкально-драматический театр, в котором отец был одним из ведущих оркестрантов.

– Театр в лагере?

– Да, это же был огромный лагерь, почти город. Там были свои магазины, библиотеки, бани... Был и очень крутой театр, в котором работали народные артисты, знаменитые режиссёры. Там, за колючей проволокой, родился мой старший брат.

– А вы?

– Я почти за решёткой. Маму отпустили рожать во Львов. Там она меня родила и отправилась обратно, досиживать. Через несколько месяцев срок окончился, родителей освободили, а вскоре и полностью реабилитировали.

– Когда вы решили связать судьбу с музыкой?

– У меня не было других вариантов. Папа – музыкант, мама – актриса оперетты. Кем быть? Музыкантом, конечно. Плюс у меня рано обнаружили абсолютный слух и уже с пяти лет нача-



ли учить музыке. Было совершенно ясно, что никуда не деться — придётся стать музыкантом.

— Наверное, и для вас, как для многих детей, пианино было самым страшным пыточным инструментом?

— Разумеется, но как по-другому ребёнка приучать к искусству? Если бы не мамино упорство и терпение, я бы музыку тогда забросил. Как любому мальчишке, мне хотелось и погулять, и порезвиться, и в футбол погонять, но нужно было заниматься. Я за инструментом проводил очень много времени, окончил в Днепропетровске музыкальную школу, за ней — Николаевское государственное высшее музыкальное училище как теоретик, а уже гораздо позже Институт современного искусства в Москве с отличием.

— Однако теоретик занялся практикой и начал не писать про музыку, а играть её...

— В 15 или 16 лет я увлекся музыкой «Битлз». И всё! Это окончательно «добило» мою судьбу. Выбор был сделан окончательно. Тем более что папа у меня тоже много лет работал и в эстраде, и в джазе. Играл в Московском концертном оркестре Анатолия Кролла, сам создавал большие джаз-бэнды. Идя по его стопам, я уже в 18 лет начал заниматься музыкой вполне профессионально.

— Вместе с отцом выступали?

— Нет, хотя отец и брал меня на свои концерты и спектакли. Но я с ним не играл, просто сидел в оркестровой яме, вытянув шею, и с трудом наблюдал за тем, что происходит на сцене. Позднее, став заниматься рок-музыкой, создал группу «Диалог». Мы по всему бывшему Совет-

У «Диалога» не только песни были яркие, но и сами концерты. Мы устраивали настоящие шоу, одни из первых начали использовать на концертах лазеры

скому Союзу играли-играли и доигрались до того, что со времён перестройки, с 1986 года, стали одной из первых советских рок-групп, активно гастролировавших за границей. Что греха таить, нас часто выставляли как выставочную витрину: смотрите, в СССР тоже есть рок. В 1987 году мы выступили на крупнейшей в Европе музыкальной зимней ярмарке MIDEM. Это была одна из первых, а может, и первая серьёзная вылазка советской рок-группы. С тех пор нас начали приглашать на различные

фестивали и подобные мероприятия. Вплоть до 1992 года домашних гастролей у нас становилось всё меньше, а зарубежных — всё больше. К этому времени к нам подтянулись братья Костя и Валера Меладзе, они с нами проработали года полтора или два.

Гимн Союзного государства написал для души

— Сами тексты песен не пытались писать?

— Очень редко, я всегда предпочитал сотрудничать с профессионалами, хорошими поэтами, которые писали не любительские вирши, а действительно качественные тексты. Тягу к ним я сохранил до сих пор. Постепенно я пришёл к другой профессии. После «Диалога» делал проекты Николая Трубоча, группы «Премьер-министр», «Бахыт-Компот» в качестве музыкального продюсера. Довольно долго продюсировал группу «Браво», вместе мы записали очень хорошие альбомы: «Стиляги из Москвы», «Московский бит», «На перекрёстках весны».

— То есть из артиста и музыканта вы стали композитором и продюсером.



**Джазовый ансамбль
Александра Брейтбурга
(второй слева)**



— Да. Началось сотрудничество с каналом «Россия», пошли программы «Народный артист», «Секрет успеха», «Битва хоров». Постепенно я пришёл к мысли, что песни невозможно писать до бесконечности — я и так написал их около 600. Когда подошёл к 60 годам, решил, что хватит, я не хочу больше писать на потребу очередного программного директора очередной радиостанции, пытаюсь угадать, что ему нравится, а что нет. Просто к творчеству это не имеет никакого отношения. Я решил, что мне лучше заниматься тем, что я искренне люблю.

— *И ввязались за мюзиклы?*

— В своё время на меня произвела просто огромное впечатление рок-опера Эндрю Ллойда Уэббера «Иисус Христос — суперзвезда». Я всегда тяготел к подобным формам, более крупным, чем песни. И вот в начале нового века решил, что пора наконец настала и я могу себе позволить поработать в удовольствие. Материально я себя чувствую достаточно независимым. Решение заниматься музыкальным театром было естественным, меня увлекает эта деятельность.

— *Для души.*

— Именно для души.

— *А гимн Союзного государства вы не для души написали?*

— Вы имеете в виду песню «Две сестры — Беларусь и Россия»? Ну да, там ни корысти, ни заказа не было. С Беларусью меня вообще связывает многое, как в жизненном, так и в творческом плане. Для меня Белорусская земля особая, на ней восстал мой дед и отец. В молодости огромное впечатление на меня произвело творчество «Песняров». Я до сих пор восхищаюсь Владимиром Мулявиным, который, не будучи белорусом, в рамках советской эстрады сумел создать этот уникальный коллектив. Для меня он до сих пор остаётся музыкантом с большой буквы, неповторимой личностью. Поэтому «Две сестры» 11 лет назад я писал абсолютно искренне и без какого-то заказа. Я её приурочил к «Славянскому базару». Хотел написать песню, которую исполнили бы представители двух наших стран. Ими тогда стали два наших «народных артиста» —

Мюзиклы Кима Брейтбурга

россиянин Алексей Гоман и белорус Руслан Алехно. Я очень рад, что песня получилась и понравилась людям, что она была отмечена специальным дипломом Постоянного Комитета Союзного государства. Я не преследовал никаких материальных целей.

Слова написала замечательная переводчик и поэтесса Элеонора Мельник. Песня получилась очень лиричная, лишённая всякого пафоса.

Мюзикл спасёт театр

— *Но мюзиклы всё равно ведь коммерческие проекты? Или деньги для вас значения уже совсем не имеют?*

— Скажем так: они не имеют определяющего значения. Но я не люблю заниматься просто творчеством ради творчества. Я привык к тому, что успех измеряется наполнением зала. Если на спектакле или концерте нет людей, значит, ты идёшь не в том направлении.

— *Российский мюзикл чем-то отличается от классического американского?*

— В России мюзикл больше, чем мюзикл. У нас репертуарные театры большей частью государственные, их администрации привыкли жить за государственные деньги, они не привыкли зарабатывать. Если бюджетных денег не хватает, у администрации начинается паника. Не хватает денег на постановки, на зарплаты, на премирование артистов. А артисты и в России, и в Беларуси и так живут, мягко говоря, очень скромно, не шикуют.

— *Но ведь театр сам по себе выжить не может, ему нужны постоянные дотации из бюджета.*

— Это у нас так думают. А мировая практика говорит о другом. На Западе тоже поддерживают свои театры, но эта поддержка носит разумный характер. А мюзиклы там — это абсолютно коммерческая история. И в Америке, и в Англии, и во Франции, везде. Это исключительно негосудар-





Сцена из мюзикла «Казанова»

ственная частная инициатива, в которой участвуют многие, до нескольких десятков инвесторов. Как в акционерном обществе: ты можешь купить одну акцию и получить с неё дивиденд, а можешь поучаствовать в постановке мюзикла и получить часть прибыли. Если он провалился, ты прогорел, если пользуется успехом, ты долгое время получаешь хорошие дивиденды. У нас пока такой формы не существует.

— Но государство же должно как-то помогать театрам?

— Я думаю, что государство должно помогать театрам, которые являются национальным достоянием. Большой, Малый, МХАТ, Маринка, Ярославский театр Волкова — им надо помогать, их надо их беречь. Это своего рода музеев, витрины театрального искусства, национальные бренды. То же касается и Беларуси — там тоже есть замечательный Большой театр, который необходимо поддерживать. А все театры подряд поддерживать немислимо. Надо давать больше простора личной, частной инициативе. Я считаю, что будущее в целом всё-таки за частными музыкальными театрами и за театральными продюсерами. Наш мюзикл «Голубая камей», который идёт и в Беларуси, является одним из флагманов по театральным сборам. Он ставится уже пять лет, сейчас продлили контракт ещё на три года. Спектакль пользуется постоянным спросом, десятки тысяч людей его посмотрели.

— То есть вы продвигаете этот театальный жанр в массы?

— Не только. Я привлекаю людей в театр, показываю, что это здорово и интересно. Придя на мои мюзиклы, они начинают ходить уже и на другие спектакли, и театру становится легче дышать. Вообще здорово, когда люди приходят в театр.

— Какого мюзикла от Кима Брейтбурга нам ждать в ближайшее время?

— У нас есть пара работ, которые мы готовим к постановкам. Написан мюзикл «Князь Серебряный» по роману Алексея Толстого. Сейчас с моим другом, известным поэтом и драматургом Кареном Кавалерьяном работаем над сказкой «Дюймовочка и принц». Получается хороший, весёлый семейный спектакль, написанный в стиле рок и в то же время очень лиричный.

— На «Славянский базар» что повезёт?

— Недавно вместе с минским Университетом культуры и искусства мы поставили мюзикл «Казанова». Его и хотим показать в Витебске. Это весёлый спектакль, немножко шутовская музыкальная комедия.

— 18 плюс?

— Отнюдь. Скорее 18 минус. Там нет никакой эротики, мюзикл смешной, лёгкий, мелодичный и очень молодёжный.

— А в жюри заседать будете?

— Если пригласят — обязательно буду. I G I

Я хочу получать от своей работы удовлетворение, а его я получаю, когда ко мне приходит зритель и когда этот зритель получает удовольствие

Беседовал Валерий ЧУМАКОВ
Фото: личный архив
К. Брейтбурга, muztk.ru